

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ	
Памяти героев Первой мировой войны (Публикация Н. БЕЛОУСОВОЙ) <i>In memory of the First World War's heroes (Publication of N. BELOUSOVA)</i>	2-я стр. обл.
ВОЕННЫЕ МУЗЕИ МИРА	
С днём рождения, новый музей! (Публикация С.П. СИДОРОВА) <i>Happy birthday, a new museum! (Publication of S.P. SIDOROV)</i>	2-я стр. цв. вкл.
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА	
Последний в истории абордаж <i>The ever latest boarding</i>	4-я стр. цв. вкл.
ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО	
А.Б. КУЛЕБА — Создание авиации органов госбезопасности A.B. KULEBA — <i>Creation of the State Security's aviation</i>	3
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА	
А.В. ОЛЕЙНИКОВ — «Он очень решителен, твёрд характером и либерально настроен...». Генерал В.И. Ромейко-Гурко на Русском фронте в 1914—1917 гг. A.V. OLEYNIKOV — <i>"He is very determined, steadfast in his character and liberal-minded...". General V.I. Romeyko-Gourko in the Russian Front in 1914—1917</i>	9
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА	
А.В. ГАНИН — Подготовка кадров Генерального штаба в «белой» Сибири в 1919 году A.V. GANIN — <i>Training of the General Staff's cadre in the "White" Siberia in 1919</i>	14
К.В. ЛЕВШИН — Лжедезертиры Красной армии в годы Гражданской войны K.V. LEVSHIN — <i>False Red Army deserters during the Civil War</i>	19
ИЗ ИСТОРИИ ТЫЛА ВООРУЖЁННЫХ СИЛ	
М.А. КОНЕВСКАЯ — Система обозно-вещевого снабжения Красной армии в период Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. M.A. KONEVSKAYA — <i>System of draft-ware supply of the Red Army during the Soviet-Finnish War of 1939—1940</i>	23
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.	
Э.Л. КОРШУНОВ, А.А. МИХАЙЛОВ — Предотвращённая угроза. Реализация конструкторских идей учёных-химиков в дни блокады Ленинграда E.L. KORSHUNOV, A.A. MIKHAILOV — <i>The averted threat. Implementation of design ideas by scientists-chemists during the siege of Leningrad</i>	27
ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ	
П.В. ГУСТЕРИН — Восточный факультет Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе P.V. GUSTERIN — <i>The Oriental Department of the Red Army Military Academy named after M.V. Frunze</i>	32
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
Д.Ю. КОЗЛОВ, Е.Н. НАЗЕМЦЕВА — Русский фронт Первой мировой войны в германской историографии 1920—1940 гг. D.Yu. KOZLOV, Ye.N. NAZEMTSEVA — <i>The Russian Front of World War I in the German historiography of the 1920—1940-s</i>	38
ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ НАУКИ	
В.И. УГЛОВ — Первопроходцы отечественного военно-ракетного образования V.I. UGLOV — <i>Pioneers of Russian military missile education</i>	43
ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ	
А.В. ЛОСИК, С.В. ФЕДУЛОВ — «Государево око» и качество продукции военного назначения. Деятельность государственных контролирующих органов на ленинградских оборонных предприятиях и в научных учреждениях (1930-е годы) A.V. LOSIK, S.V. FEDULOV — <i>"State eye" and military products' quality. The activities of state control agencies inside Leningrad defence enterprises and scientific institutions (1930-s)</i>	49
Е.И. ПОДРЕПНЫЙ — «Летающие парты» для «сталинских соколов». Оснащение советских ВВС современными учебно-тренировочными самолётами в 1945—1950 гг. Ye.I. PODREPNY — <i>"Flying desks" for "Stalin's falcons". Equipment of the Soviet Air Force with modern teaching- and-training aircraft in 1945—1950-s</i>	52
ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА	
Х.М. АБДУЛЛИН, Г.М. МУСТАФИНА — Казанское пехотное юнкерское училище (1866—1909). Страницы истории и известные выпускники H.M. ABDULLIN, G.M. MUSTAFINA — <i>Kazan infantry cadet school (1866—1909). Pages of history and famous alumni</i>	56
ВОЕННОПЛЕННЫЕ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ	
С.П. КИМ — Продовольственное обеспечение японских военнопленных в 1945—1950 гг. S.P. KIM — <i>Food provisioning for Japanese prisoners of war in Soviet labour camps in 1945—1950</i>	61
ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ	
В.Д. ГЛАЗКОВ — В небесах мы летали одних (Публикация И.Е. НЕГЕНБЛИ, А.Б. ДОЛИЦКОГО) V.D. GLAZKOV — <i>We Flew in the Same Sky (Publication of I. Ye. NEGENBLYA, A.B. DOLITSKY)</i>	69
ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОГО ОБМУНДИРОВАНИЯ И СНАРЯЖЕНИЯ	
А.В. ПЕЧЕЙКИН — «Каска... есть наряд военный характеристический» A.V. PESHEYKIN — <i>"Helmet... is a military characteristic attire"</i>	77
ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОГО ОБМУНДИРОВАНИЯ И СНАРЯЖЕНИЯ	
Слово «каска» происходит от испанского casco — «череп» <i>The word "helmet" comes from the Spanish "casco"</i>	3-я стр. обл.
ТРАГЕДИЯ ПЛЕНА	
Подвиг советского генерала <i>Soviet General's feat</i>	4-я стр. обл.

А.Б. КУЛЕБА

A.B. KULEBA

СОЗДАНИЕ АВИАЦИИ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

CREATION OF THE STATE SECURITY'S AVIATION

Сведения об авторе. Кулеба Анатолий Борисович — старший преподаватель Московского пограничного института, полковник запаса (Москва. E-mail: kulebaa@yandex.ru).

Аннотация. В статье на основе архивных документов исследуются малоизвестные факты из истории формирования первых авиационных подразделений отечественной спецслужбы.

Ключевые слова: авиация войск и органов госбезопасности; авиационные спецзвенья; летательные аппараты.

Information about author. Anatoly Kuleba — Senior Lecturer of the Moscow Frontier Institute, Colonel (res.) (Moscow. E-mail: kulebaa@yandex.ru).

Summary. On the basis of archival documents the article explores little known facts from the history of formation of the first aviation units of the domestic special services.

Keywords: aviation of the State Security troops and organs' aviation; aviation special flights; aircraft.

Появление летательных аппаратов в России, совершенствование их тактико-технических характеристик, зарождение и развитие российской авиационной промышленности, отечественной школы подготовки авиационных кадров — всё это создавало материальные предпосылки для расширения сферы применения новой техники не только в гражданских, но и в военных целях, в том числе в интересах специальных служб. Так, по утверждению некоторых исследователей, уже в сентябре 1919 года войска Внутренней охраны (ВОХР; 120 тыс. человек) имели в своём составе конницу, пулемётные команды, броневые отделения, артиллерию и... авиацию¹. В марте—апреле 1920-го на территории Западной Сибири и Урала были сформированы два авиационных крыла, приданных частям ВОХР для установления связи между ними, ведения разведки и проведения локальных операций против мятежников. Осенью 2-е авиационное крыло ВОХР было передислоцировано на Украину (в феврале 1921 г. дислоцировалось в районе Харькова).

Одним из первых обнаруженных архивных документов, характеризующих деятельность авиационных подразделений, входивших в состав спецвойск, является «Краткая историческая справка о формировании и службе 2-го Авиационного Крыла при Штабе Красного Воздушного Флота на Украине РККА РСФСР в составе Южного Фронта»². Составлялась она 31 января 1921 года за подписью временно исполнявшего должность начальника 2-го авиационного крыла лётчика-наблюдателя Морочкина и тоже «временного» военкома Солдатов. Из справки видно, что авиакрыло было сформировано в городе Омске на основании приказа начальника авиации и воздухоплавания 5-й армии от 10 марта 1920 года. Его комплектование осуществлялось специалистами из 29-го и 3-го авиационных отрядов, 5-го воздухоплавательного отряда, а также из перебежчиков белой армии и служащих указанных авиаотрядов. Со дня формирования и до 16 ноября авиакрыло числилось за Приуральским сектором войск ВОХР, где выполняло разведывательные задачи без боевых потерь. Затем на основании указания начальника Воздушного флота Республики «выехало» на Южный фронт, в г. Харьков, где было перефор-

мировано по новому штату боевого звена особого назначения при авиационном штабе Южного фронта.

Авиационные крылья ВОХР по своему штатному и списочному составу соответствовали авиационному звену Красного воздушного флота. Временный штат непосредственно для них был утверждён 31 марта 1920 года начальником войск Западно-Сибирского сектора Внутренней охраны³. В своём составе они имели 2—3 самолёта («Сопвич» или «Ньюпор»), вооружённых пулемётами «Льюис» (по одному на каждом). Штат также предусматривал наличие в авиакрыле и другого вооружения, в том числе: обоймы пулемётные — 12, наземные установки к пулемётам пехотного образца — 2, винтовки — 13, револьверы — 5, патроны для пулемётов и винтовок — 3000, патроны для револьвера Наган — 70, бомбы 10-фунтовые — 50 и бомбы 25-фунтовые — 40. Для «обеспечения деятельности» предусматривалось наличие мотоцикла с коляской и велосипеда.

Личный состав крыла насчитывал 17—18 человек: лётчики (два, из них один начальник авиакрыла), наблюдатель, моторист и помощник моториста (по два), мотоциклист, писмоводитель, техникский и хозяйственный капртенармус, обозные, телефонисты и рабочие. Наряду с этим предусматривалось выделение денежных средств одновременно в общей сумме 40 тыс. руб. (на покупку инструментов и технических материалов — 15 тыс., наём обывательских подвод — 10 тыс., телеграммы, канцелярские расходы, на обоз — по 5000); обеспечение запасными частями к самолётам и моторам, специальным имуществом (палатки, бочки железные и деревянные, бидоны, воронки, насосы для перекачки бензина, телефонные аппараты), специальной одеждой (комбинезоны, валенки для полётов, рукавицы, каски, кожаное обмундирование), обозным имуществом (лошади, одноколки, розвальни, сбруя, сёдла, вёдра, щётки, скребницы, недоуздки).

В соответствии с названным документом авиакрыло Западно-Сибирского сектора Внутренней охраны формировалось при управлении начальника авиации и воздухоплавания 5-й армии. Вместе с тем оно, как и другие ему подобные, считалось отдельной частью с подчинением возглавлявшего его лица в оперативном отношении начальнику штаба округа ВОХР, а в строевом и техническом — начальнику управления авиации армии.

А.В. ОЛЕЙНИКОВ

A.V. OLEYNIKOV

«ОН ОЧЕНЬ РЕШИТЕЛЕН, ТВЁРД ХАРАКТЕРОМ И ЛИБЕРАЛЬНО НАСТРОЕН...»

Генерал В.И. Ромейко-Гурко на Русском фронте в 1914—1917 гг.

«HE IS VERY DETERMINED, STEADFAST IN HIS CHARACTER AND LIBERAL-MINDED...»

General V.I. Romeyko-Gourko in the Russian Front in 1914 — 1917

Сведения об авторе. Олейников Алексей Владимирович — доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Астраханского государственного технического университета, доктор исторических наук, кандидат юридических наук (г. Астрахань. E-mail: stratig00@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена боевому пути одного из лучших полководцев России в годы Первой мировой войны генерала от кавалерии В.И. Ромейко-Гурко. На основе широкого круга источников (в том числе ранее не публиковавшихся архивных материалов) рассмотрены основные этапы боевой и военно-административной карьеры генерала.

Ключевые слова: Первая мировая война; Русский фронт 1914—1918; полководцы России; В.И. Ромейко-Гурко (Гурко).

Information about author. Aleksey Oleynikov — Associate Professor of Civil Law Disciplines of the Astrakhan State Technical University, D. Sc. (Hist.), Cand. Sc. (Law) (Astrakhan, E-mail: stratig00@mail.ru).

Summary. The article is devoted to the military path of one of the best Generals in Russia during World War I Cavalry General V.I. Romeyko-Gourko. On the basis of a wide range of sources (including previously unpublished archival materials) the main stages of combat and military-administrative career of this General.

Keywords: World War I; Russian Front in 1914 — 1918; Russian military leaders; V.I. Romeyko-Gourko (Gourko).

11 НОЯБРЯ 1916 — 17 февраля 1917 года В.И. Гурко исполнял обязанности начальника Штаба Верховного главнокомандующего (во время отпуска по болезни генерала от инфантерии М.В. Алексеева). «Генерал Гурко, заменивший ген[ерала] Алексеева, — отмечал посол Франции М. Палеолог, — деятельный, блестящий, гибкий ум»¹. По данной в «Стратегическом очерке войны 1914—1918 гг.» характеристике, «властный характер Гурко клал известный предел такой коллективности (при оперативной работе в Ставке. — Прим. авт.), что совершенно отсутствовало в работе мягкого характером Алексеева. Человек с твёрдой волей, с большим самомнением и упорством»². По словам начальника Морского управления Ставки контр-адмирала А.Д. Бубнова, служебное положение, которое занимал Василий Иосифович, не давало ему возможности для занятия столь высокого поста, «ибо он был младше всех главнокомандующих фронтами и многих командующих армиями. Но о нём было известно, что он очень решителен, твёрд характером и либерально настроен... именно эти его свойства остановили на нём выбор генерала Алексеева»³.

Сам В.И. Гурко так вспоминал о начале своей работы на новом посту: «Поначалу я очень уставал как физически, поскольку мне не хватало часов в сутках для её выполнения, так и интеллектуально — из-за огромного объёма новой информации, требовавшей освоения, и большого количества ожидавших моего решения вопросов. Разумеется, с каждым днём работать ста-

новилось легче»⁴. И Василию Иосифовичу, совсем недолго находившемуся на этом посту, удалось преобразовать 16-батальонные дивизии в 12-батальонные, увеличить количество новых соединений — 60 дивизий 4-й очереди и разработать план кампании 1917 года.

В этой связи союзники в значительной мере рассчитывали на русскую стратегию: «Нахождение генерала Гурко во главе Штаба Верховного главнокомандующего позволяет нам надеяться, что можно будет составить план очень точный и очень обстоятельный»⁵. План, разработанный В.И. Гурко совместно с генерал-лейтенантом А.С. Лукомским (новый заместитель начальника Штаба Верховного главнокомандующего), предусматривал перенос стратегического решения на Румынский фронт и Балканы. На Северном, Западном и Юго-Западном фронтах Ставка отказывалась от масштабных операций. Как отмечал А.А. Керсновский, «в первый раз с начала войны стратегия поняла политику. Это было первое осмысленное решение Ставки за тридцать месяцев войны, в продолжение которых она не управляла событиями, а только подчинялась им»⁶.

Василий Иосифович в полной мере проявил свои дарования стратега — в будущем именно победа на Балканах принесла союзникам по Антанте победу в войне. Румынский же ТВД позволял ещё более масштабные манёвренные боевые операции и был с экономической и политической точек зрения наиболее опасен для Германского блока, открывая путь на Балканы. Кроме того, на Румынском фронте находились войска всех четырёх государств Центральной коалиции, и удар наносился по всему вражескому блоку в целом. Русская армия уже начала решать важнейшие стратегические

Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2014. № 11, 12; 2015. № 1.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В «БЕЛОЙ» СИБИРИ В 1919 ГОДУ

TRAINING OF THE GENERAL STAFF'S CADRE IN THE «WHITE» SIBERIA IN 1919

Сведения об авторе. Ганин Андрей Владиславович — старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, редактор отдела военной истории журнала «Родина», доктор исторических наук (Москва. E-mail: andrey_ganin@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена ускоренной подготовке кадров Генерального штаба на территории «белой» Сибири в 1919 году.

Ключевые слова: Генеральный штаб; Военная академия; А.И. Андогский; Гражданская война; «белая» Сибирь.

Information about author. Andrey Ganin — Senior Researcher of the Institute of Slavic Studies (RAS), Editor of the Military History Department of the magazine "Rodina", D. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: andrey_ganin@mail.ru).

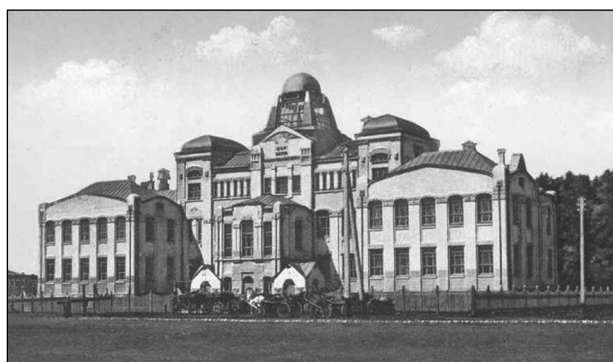
Summary. The article is devoted to the accelerated training of the General Staff's cadre in the "White" Siberia in 1919.

Keywords: General Staff; Military Academy; A.I. Andogsky; Civil War; "White" Siberia.

В конце 1916 года в Николаевской академии Генерального штаба — главном высшем военно-учебном заведении императорской России — началась ускоренная подготовка офицеров для назначения на младшие штабные должности. Весной 1918 года в связи с германской угрозой Петрограду академия была эвакуирована в Екатеринбург. Летом учебный процесс в ней возобновился на старшем классе ускоренных курсов 3-й очереди, а также на младшем ускоренном курсе, на который большевики старались набрать лояльных им слушателей. С переходом этого учебного заведения на сторону антибольшевистских сил в Екатеринбурге и Казани противники советской власти получили возможность организовать подготовку генштабистов для антибольшевистского лагеря. Осенью 1918-го академия эвакуировалась в крупный университетский центр Сибири — г. Томск, где расположилась в Доме науки.

НИКОЛАЕВСКАЯ военная академия, переименованная во Всероссийскую академию Генерального штаба Комитетом членов Всероссийского Учредительного собрания 14 августа 1918 года, согласно приказу по военному ведомству № 101 от 30 марта 1919 года стала именоваться Военной академией¹. Согласно указу Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака от 3 января 1919-го она подчинялась военному министру через помощника по организационно-инспекторской части и начальника Главного штаба².

Вопрос о необходимости подготовки кадров Генштаба в условиях Гражданской войны воспринимался военным руководством «белой» Сибири неоднозначно. Военный министр генерал Н.А.

Дом науки, где располагалась Николаевская академия Генерального штаба осенью 1918 г. Томск

Степанов считал, что армии нужны строевые, а не штабные офицеры, и академию нужно закрыть за ненужностью. К этому добавлялись явно вредившие делу упреки в адрес этого учебного заведения за его пребывание на советской территории и работу по подготовке генштабистов для РККА³ (в результате начальника академии генерала А.И. Андогского на некоторое время отстранили от должности). Тем не менее победил взгляд на необходимость подготовки генштабистов ввиду предпологавшейся активизации операций на фронте весной—летом 1919 года.

В начале 1919-го был открыт младший класс ускоренных курсов 4-й очереди. Решение об этом Колчак принял ещё в конце ноября 1918 года (позднее оно было документально оформлено). Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 88 от 25 декабря 1918 года предписывал: «Для ускоренной подготовки офицеров к исполнению младших должностей Генерального штаба в полевых штабах действующих армий, — открыть с 20-го января 1919 года в г. Томске младший класс

К.В. ЛЕВШИН

K.V. LEVSHIN

ЛЖЕДЕЗЕРТИРЫ КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

FALSE RED ARMY DESERTERS DURING THE CIVIL WAR

Сведения об авторе. Левшин Константин Викторович — заместитель директора по учебно-воспитательной работе ГБОУ СОШ № 401, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург. E-mail: petrograd84@mail.ru).

Аннотация. В статье на основе архивных документов рассматриваются вопросы борьбы с дезертирством в Красной армии в годы Гражданской войны на Северо-Западе России, использования красноармейцев в качестве разведчиков (лжедезертиров) в период 1919—1921 гг.

Ключевые слова: дезертирство; Красная армия; лжедезертиры; комиссии по борьбе с дезертирством; Гражданская война; Петроградская губерния; Псковская губерния.

Information about author. Konstantin Levshin — Deputy Director for education work of secondary school № 401, Cand. Sc. (Hist.) (Saint Petersburg. E-mail: petrograd84@mail.ru).

Summary. On the basis of archival documents the author discusses the struggle against desertion in the Red Army during the Civil War in North-Western Russia, the use of the Red Army men as scouts (false deserters) in the period of 1919—1921.

Keywords: desertion; Red Army; false deserters; commissions against desertion; Civil War; Petrograd province; Pskov province.

ПРОБЛЕМА дезертирства, свойственная любой войне, обычно приобретает особую остроту в период кровавых гражданских междоусобиц. После революционных событий 1917 года в условиях полной экономической разрухи, голода, эпидемий и идеологического хаоса массовая мобилизация в РККА вызвала среди значительной части российского населения серьёзное недовольство. Красная армия с первых же дней своего существования столкнулась с вопросами как нехватки квалифицированных военных специалистов, так и массового бегства или уклонения от службы большого числа призванного рядового состава.

По данным Г.Ф. Кривошеева, за весь период Гражданской войны насчитывалось около 2846 тыс. только официально выявленных уклонистов и оставивших месторасположение частей и боевые позиции военнослужащих. О. Файджес в своём исследовании полагает, что число дезертиров-красноармейцев составляло не менее 4 млн человек¹. Имеющиеся архивные данные позволяют утверждать, что к 31 октября 1920 года по Петроградской губернии были задержаны, а также сдались добровольно 91,5 тыс., по Новгородской — 80 тыс., по Псковской — 120 тыс. дезертиров. При этом большинство из них составили уклонившиеся от военной службы.

Основными причинами дезертирства были тяготы службы, вызванные скудным снабжением и совершенно неудовлетворительными казарменно-бытовыми условиями, нежелание участвовать в боевых действиях, а также стремление

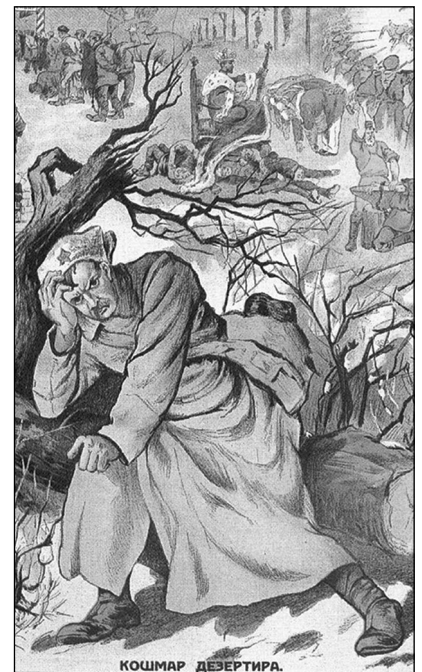
красноармейцев помочь своим семьям, возраставшее в периоды полевых работ и определявшее сезонный характер явления. Всё это накладывалось на утомление от многолетней войны, отсутствие зачастую элементарных мер по поддержанию боевого духа.

Постановлением Совета рабочей и крестьянской обороны РСФСР «О дезертирстве» от 25 декабря 1918 года была образована Центральная комиссия по борьбе с дезертирством, в которую вошли представители Всероссийского главного штаба, Всероссийского бюро военных комиссаров, Народного комиссариата по военным делам. Признавая всю сложность ситуации, постановление квалифицировало дезертирство как тяжкое и позорное преступление, на пресечение которого необходимо обрушить «всю энергию государственной власти». Для дезертиров устанавливался чрезвычайно широкий (как и само явление) спектр наказаний: «от денежных штрафов до расстрела включительно». Укрыватели карались принудительными работами на срок до 5 лет. Довольно скоро стало ясно, что нельзя обойтись без разветвлённого аппарата, который охватил бы «своим щупальцем все отрасли жизни тыла и армии», и аналогичные комиссии (Комдезертир) были образованы во всех губерниях и уездах, а также при РВС фронтов, армий и дивизий Красной армии².

Постановлением Совета рабочей и крестьянской обороны РСФСР от 3 июня 1919 года «О мерах к искоренению дезертирства» структуры Комдезертир получили полномочия

на конфискацию имущества и земельных наделов дезертиров и их укрывателей (с дальнейшей передачей объектов собственности во временное пользование красноармейцев); наложение трудовых повинностей и денежных штрафов на укрывателей; наложение штрафов на целые волости, сёла и деревни за круговую поруку или назначение для них принудительных общественных работ; наказание советских должностных лиц, виновных в укрывательстве мобилизованных и дезертиров, вплоть до расстрела; освобождение от наказания

Плакат «Кошмар дезертира»

М.А. КОНЕВСКАЯ

M.A. KONEVSKAYA

СИСТЕМА ОБОЗНО-ВЕЩЕВОГО СНАБЖЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939—1940 гг.

SYSTEM OF DRAFT-WARE SUPPLY OF THE RED ARMY DURING THE SOVIET-FINNISH WAR OF 1939—1940

Сведения об авторе. Коневская Мария Анатольевна — главный специалист отдела использования и публикации архивных документов Российского государственного военного архива (Москва. E-mail: vitromash@rambler.ru).

Аннотация. В статье на основе архивных документов исследуются проблемы тылового обеспечения советских войск, возникавшие в ходе Советско-финляндской войны 1939—1940 гг., а также организационные меры, предпринимавшиеся в предшествующие годы.

Ключевые слова: Советско-финляндская война; Красная армия; обозно-вещевое снабжение; военно-хозяйственная служба; управленческие структуры.

Information about author. Mariya Konevskaya — Chief Specialist of the Department of use and publication of archival documents of the Russian State Military Archives (Moscow. E-mail: vitromash@rambler.ru).

Summary. On the basis of archival documents the article deals with problems of logistics of Soviet forces that arose during the Soviet-Finnish War of 1939—1940, as well as organizational measures taken in previous years.

Keywords: Soviet-Finnish War; Red Army; draft-ware supply; military administrative service; control structures.

ШИРОКОМАСШТАБНЫЕ боевые действия, которые велись между советскими и финскими войсками (30 ноября 1939 г. — 12 марта 1940 г.) представляли собой локальное, но при этом специфическое событие. Наряду с другими важными вопросами оно позволило выявить подлинную эффективность обозно-вещевого снабжения Красной армии¹ накануне Великой Отечественной войны. Ведь в СССР в предшествовавшие Советско-финляндской войне годы многое делалось для совершенствования системы снабжения Красной армии и Военно-морского флота, повышения эффективности работы довольствующих органов*.

Так, в 1935 году была проведена реформа этой войсковой структуры². Во исполнение приказа Народного комиссариата обороны (НКО) СССР № 0145 от 8 августа 1935 года образовалось Управление обозно-вещевого снабжения (УОВС). Согласно положению о нём, управление являлось центральным органом НКО по обеспечению Красной армии всеми необходимыми предметами вещевого снабжения. Во главе УОВС стояли начальник и

военный комиссар. На них возлагались ответственность за составление смет на предметы обозно-вещевого снабжения, заготовка и обеспечение армии обозом, в том числе и специальным, объектами механизации военно-хозяйственного тыла, упряжью, сёдлами, вьюками, вещевым имуществом, предметами хозяйственного обихода, санитарно-хозяйственным и спортивным инвентарём, а также соответствующими ремонтными материалами. Управление обязали также осуществлять руководство мобилизационной работой, связанной с обозно-вещевым снабжением, с накоплением неприкосновенных запасов, их хранением и содержанием, «освежением»; разработку новых образцов, технических условий и конструкций³.

Упомянутым приказом утверждалась и схема снабжения войск: центр — округ — фронт (военное время) — армия (военное время) — дивизия — полк (батальон) — рота — красноармеец. В соответствии с ним в структурных звеньях (до полка включительно) были созданы военно-хозяйственные органы. Управление ими осуществлялось сверху вниз, и заявки на имущество представлялись им, как высшему звену, звеном низшим (отделениями обозно-вещевого снабжения)⁴. Вместе с тем руководящие указания, касавшиеся структурных и иных изменений, проводились в

жизнь другими управлениями (НКО, Главным управлением Красной армии; в период военных действий — военными советами), то есть УОВС имело весьма ограниченные руководящие функции. Проявлялось и пересечение его функций с деятельностью Генерального штаба (ГШ), в котором были сосредоточены данные по численности армии, поэтому планирование снабжения осуществлялось совместно. Помимо того эффективность работы УОВС зависела от распорядительности Управления военных сообщений (ВОСО).

В период 1935—1939 гг. структура органов обозно-вещевого снабжения претерпела некоторые изменения, связанные с необходимостью адаптации к существовавшим условиям, а также с централизацией отдельных видов снабжения. В октябре 1939-го было образовано Управление начальника снабжений (УНС) с утверждением временного положения о нём (приказ НКО № 0167 от 23 октября 1939 г.). Оно объявлялось центральным органом Народного комиссариата обороны СССР, объединявшим деятельность соответствующих управлений по руководству обозно-вещевым и продовольственным снабжением, квартирным довольствием и торговлей в Красной армии. Но и его руководящие функции были ограничены⁵.

Нельзя сказать, что к началу «Зимней войны», то есть Совет-

* Автор статьи рассматривает организацию подвоза и тыловых учреждений именно как составную часть системы снабжения. В подобном комплексном подходе заключается новизна проводимого исследования.

Э.Л. КОРШУНОВ,
А.А. МИХАЙЛОВE.L. KORSHUNOV,
A.A. MIKHAILOV

ПРЕДОТВРАЩЁННАЯ УГРОЗА

Реализация конструкторских идей учёных-химиков
в дни блокады Ленинграда

THE AVERTED THREAT

Implementation of design ideas by scientists-chemists during the siege of Leningrad

Сведения об авторах. Коршунов Эдуард Львович — начальник научно-исследовательского отдела (военной истории Северо-Западного региона РФ) Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник (Санкт-Петербург. E-mail: himhistory@yandex.ru);

Михайлов Андрей Александрович — научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военной истории Северо-Западного региона РФ) Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербург. E-mail: himhistory@yandex.ru).

Аннотация. В статье исследуется работа учёных-химиков блокадного Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; блокада; химическая угроза; конструкторские идеи.

Information about authors. Eduard Korshunov – Chief of the Research Department (military history of the North-Western region of Russia) of the Research Institute of Military History of the Military Academy of the Russian Armed Forces' General Staff, Colonel (Saint Petersburg. E-mail: himhistory@yandex.ru);

Andrey Mkhailov – Researcher of the Research Department (military history of the North-Western region of Russia) of the Research Institute of Military History of the Military Academy of the Russian Armed Forces' General Staff, D. Sc. (Hist.), Associate Professor (Saint Petersburg. E-mail: himhistory@yandex.ru).

Summary. The article examines the work of scientists-chemists of besieged Leningrad during the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War; blockade; chemical hazards; design ideas.

В ГОДЫ Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.), в тяжелейших условиях вражеской блокады учёные Ленинграда вели напряжённую работу по созданию средств борьбы с противником и защите от вражеского оружия воинов Ленинградского фронта (ЛФ), Краснознамённого Балтийского флота (КБФ; БФ) и мирного населения. Важнейшим направлением в этой работе стало развитие военно-химических исследований. Участие в них принимали как штатские специалисты, так и военнослужащие, находившиеся внутри блокадного кольца.

Применение врагом химического оружия являлось вполне реальной угрозой. Гитлер ещё в мае 1939 года заявлял: «Договоры и право — ерунда... Любое оружие имеет решающее значение только тогда, когда его не имеет враг. Это относится к газам, подводному флоту и авиации»¹.

Уже в первые месяцы войны германское командование на различных направлениях, в том числе на подступах к Ленинграду, явно готовилось к использованию химического оружия. Об этом свидетельствовали данные разведки, трофейные документы, показания пленных. К примеру, реальность подобной угрозы городу на Неве и его защитникам подтвердил пленённый

немецкий военный инженер, доктор химии Ф.К. Шнейдер, находившийся в самолёте, сбитом в конце августа 1941 года недалеко от Петергофа². Вот почему в сложившихся условиях совершенствование имевшихся и создание новых средств защиты от химического оружия, разработка технологий и приборов для обнаружения отравляющих веществ (ОВ) и дегазации приобрели буквально первостепенное значение.

Разрабатывая вопросы обеспечения бойцов Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) и населения города индивидуальными средствами защиты от отравляющих веществ, ленинградские учёные нередко предлагали весьма оригинальные решения. Так, в январе 1942 года медик П.Г. Бакалейников в пространной записке «Новоизобретённый способ защиты от химических бойцов и граждан»³ рекомендовал размещать в госпиталях и квартирах деревянные герметически закрытые ящики, снабжённые фильтрами (несколько слоёв ваты, порошок активированного угля) и врезанными в них трубками для дыхания. Такие ящики, по мнению изобретателя, можно было встраивать в мебель: прикроватные тумбочки, столики, лежаки-оттоманки. В качестве главного их достоинства

называлась простота использования, доступность для всех категорий раненых (с ограниченной подвижностью, не способных воспользоваться противогазом из-за повязки на голове и др.). К стати, опыты по проверке эффективности изобретения Бакалейников ставил на себе самом, подвергаясь атаке хлором и сернистым газом.

Изобретение П.Г. Бакалейникова получило положительную оценку специалистов. Так, инспектор по изобретательству штаба ЛФ Н.М. Рейнов препроводил одобрителем отзывом материалы по проекту начальнику отдела химической защиты (ОХЗ) полковнику А.Г. Власову «ввиду его [предложения медика] очевидной полезности»⁴.

Уместно заметить, что со снабжением населения Ленинграда противогазами и особенно обучением горожан мерам защиты от химического оружия дело обстояло не слишком благополучно. Военный совет Ленинградского фронта признавал: «Городской совет Осоавиахима по подготовке населения к противохимической защите и работу с группами самозащиты не проводит; проверка и ремонт противогазов у гражданского населения не организованы»⁵. Так что предложение Бакалейникова выглядело вполне рациональным.

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ РККА ИМЕНИ М.В. ФРУНЗЕ

THE ORIENTAL DEPARTMENT OF THE RED ARMY MILITARY ACADEMY NAMED AFTER M.V. FRUNZE

Сведения об авторе. Густерин Павел Вячеславович — научный сотрудник Российского института стратегических исследований, старший лейтенант запаса (Москва. E-mail: gusterin_pv@mail.ru).

Аннотация. В статье освещается история создания и деятельности учебного подразделения Военной академии РККА (до 1921 г. — Академия Генштаба РККА) — Восточного отделения (отдела), являвшегося предшественником Восточного факультета этой академии. Отражены вопросы организации и содержания подготовки разведчиков и дипломатов «восточного направления».

Ключевые слова: кадры военной разведки; Военная академия имени М.В. Фрунзе; Восточный факультет.

Information about author. Pavel Gusterin — Researcher of the Russian Institute for Strategic Studies, Senior Lieutenant (res.) (Moscow. E-mail: gusterin_pv@mail.ru).

Summary. The article highlights the history of creation and activities of a training unit of the Red Army Military Academy (until 1921 — Academy of the Red Army's General Staff) — Oriental Section (Department) as the precursor of the Oriental Department of the Academy. Organisation and contents of scouts and diplomats' training for "the eastern direction".

Keywords: cadre of military intelligence; Military Academy named after M.V. Frunze; Oriental Department.

ВОЕННАЯ разведка РККА на начальном этапе своей деятельности испытывала большие кадровые проблемы. Особенно остро недостаток кадров ощущался на «восточном направлении». Это стало одной из причин, по которой было принято предложение бывшего начальника Азиатской части Главного штаба А.А. Давлетшина¹. 20 сентября 1919 года он подал начальнику Всероссийского главного штаба РККА Н.И. Раттэлю докладную записку о целесообразности организации в связи с общей политической обстановкой особого отдела восточных языков при Академии Генштаба РККА. С этой докладной запиской ознакомился председатель РВСР Л.Д. Троцкий, который одобрил идею и издал соответствующий приказ². В феврале 1920 года на основании приказа РВСР № 137 от 29 января 1920 года при Академии Генерального штаба РККА (с августа 1921 г. — Военная академия РККА) было открыто Восточное отделение³.

Имеет место заблуждение, что основателем Восточного отделения является второй (по порядку) начальник Академии Генштаба Андрей Евгеньевич Снесарев, бывший генерал-лейтенант рус-

ской армии, опытный разведчик, востоковед, военачальник и военный учёный⁴. В действительности он был старшим руководителем этого отделения по Ближнему и Среднему Востоку и главным руководителем по военной географии и статистике по совместительству в период с 23 июля 1919 года по 23 сентября 1924 года⁵, несомненно, много сделал для организации работы Восточного отделения. Приказ РВСР № 1675 от 5 августа 1921 года гласил: «Начальника Академии Генштаба РККА тов. Снесарева освободить от его нынешних обязанностей и оставить его в должности профессора. РВСР выражает тов. Снесареву признательность за понесённую им в тяжёлое для Академии время работу по поддержанию и устройению Академии»⁶. Архивные данные также не подтверждают, что Снесарев являлся начальником Восточного отделения или исполнял его обязанности.

Первым начальником Восточного отделения по предложению Снесарева стал А.Д. Тарановский⁷, занимавший эту должность около 8 месяцев. Около двух лет (в 1921—1923 гг.) Восточное отделение (с 1922 г. отдел) возглавлял Б.И. Доливо-Добровольский⁸. Несколько лет спустя, в 1926 году, начальник

Восточного факультета Военной академии РККА Н.Н. Шварц⁹ отмечал: «От основания Восточного отдела, с 11 февраля 1920 г. до августа 1923 г. сменились 6 начальников отдела. Только с 1922 г. жизнь Восточного отдела начинает упорядочиваться»¹⁰. Это же подтверждается другими архивными материалами по истории Восточного факультета: «Учёная деятельность Восточного отделения начинает стабилизироваться лишь с назначением начальником отделения Доливо-Добровольского»¹¹.

В «Положении о Восточном отделении Академии Генерального штаба», подготовленном А.Е. Снесаревым, говорилось:

«1) С целью подготовки военно-служащих для службы Генерального штаба и Красной армии на восточных окраинах и сопредельных странах Среднего, Ближнего и Дальнего Востока, а также для службы по военно-дипломатической части утверждается в составе Академии Генерального штаба Восточное отделение.

2) Ежегодно на Восточное отделение Академии зачисляются из числа желающих 20 человек, выдержавших вступительный экзамен в Академию Генерального штаба, и 20 человек, командируемых Комис-

Д.Ю. КОЗЛОВ,
Е.Н. НАЗЕМЦЕВА

D.Yu. KOZLOV,
Ye.N. NAZEMTSEVA

РУССКИЙ ФРОНТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920—1940 гг.

THE RUSSIAN FRONT OF WORLD WAR I IN THE GERMAN HISTORIOGRAPHY OF THE 1920—1940-S

Сведения об авторах. Козлов Денис Юрьевич — заместитель начальника Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, вице-президент Российской ассоциации историков Первой мировой войны, капитан 1 ранга, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: kozloff_d@mail.ru); Наземцева Елена Николаевна — научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: elenanazz@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматривается германская историография 1920–1940 гг. Восточного (русского) фронта Первой мировой войны. Раскрываются её роль в изучении военного опыта, основные тенденции развития, проблемы и достижения.

Ключевые слова: Первая мировая война; Восточный (русский) фронт; вооружённые силы; историография; германская историческая школа.

Information about authors. Denis Kozlov — Deputy Chief of the Research Institute of Military History of the Military Academy of the Russian Armed Forces' General Staff, Vice-President of the Russian Association of Historians of the First World War, Captain 1st Rank, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: kozloff_d@mail.ru);

Yelena Nazemtseva — Researcher of the Research Institute of Military History of the Military Academy of the Russian Armed Forces' General Staff, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: elenanazz@mail.ru).

Summary. The article discusses the German historiography of 1920–1940-s of the Eastern (Russian) Front of the First World War. Its role in the study of military experience, main development trends, challenges and achievements.

Keywords: World War I; Eastern (Russian) Front; armed forces; historiography; German historical school.

ГЕРМАНСКАЯ литература о Восточном фронте Первой мировой войны, к изучению которой неоднократно обращались российские исследователи¹, отражает общие тенденции современной мировой исторической науки, однако обладает и существенной спецификой.

В начале 1920-х годов, когда вследствие поражения в Великой войне, крушения Германской империи и дискредитации господствовавших в ней националистических историко-политических концепций немецкая национальная школа оказалась в некоторой изоляции от мирового научно-исторического сообщества², в её методологии продолжали доминировать идеи идеалистического историзма и толкования прошлого в иррационалистском духе. Кроме того, острейшие социально-экономические проблемы Веймарской республики и её перманентная политическая нестабильность привели к ярко выраженной политизации исторической науки. После прихода к власти нацистов германская историография во многом попала в зависимость от государственной идеологии, постепенно превраща-

ясь в одно из орудий пропаганды, хотя многие историки классической школы не разделяли постулатов национал-социализма.

Непосредственно после окончания Первой мировой войны многие из прежних исследовательских концепций были признаны несостоятельными, однако радикального разрыва с прошлым не произошло. Преимущество традиций и необходимость возрождения национального самосознания как условия восстановления могущества и стабильности государства определяли основные направления и проблематику научных изысканий. Лейтмотивом исследований этого периода стала критика тезиса об ответственности Германии за развязывание мировой войны, который был выдвинут большинством историков преимущественно стран Антанты, поэтому доминирующие позиции в германской историографии Первой мировой войны заняло ревизионистское направление, отстаивавшее концепцию «невиновности» Второго рейха³. Достижение этой цели должна была способствовать, в частности, публикация дипломатических документов статс-секретариата по

иностранным делам, соответствующим образом подобранных и прокомментированных⁴.

Опубликованные документы легли в основу исследований дипломатической истории войны и дискуссий о её причинах. В этом контексте следует отметить труд Э. Бранденбурга⁵, полагавшего, что внешняя политика Германии накануне войны была направлена на поддержание мира и не преследовала агрессивных целей (будь это не так, Второй рейх развязал бы европейский военный конфликт в более благоприятных условиях, например, во время Русско-японской войны). По мнению автора, Германия взялась за оружие вынужденно и не для того, чтобы добиться мировой гегемонии, а ради достижения равенства с другими державами. Подобные идеи отстаивал и Г. Онкен⁶, стремившийся проследить взаимосвязь внешней политики Германии и её внутреннего развития. Главной причиной войны автор полагал русский национализм и панславизм. В то же время он критиковал германских политиков за то, что во избежание катастрофы они не пошли на примирение с Великобританией.

В.И. УГЛОВ

V.I. UGLOV

ПЕРВОПРОХОДЦЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОЕННО-РАКЕТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

PIONEERS OF RUSSIAN MILITARY MISSILE EDUCATION

Сведения об авторе. Углов Валентин Иванович — полковник в отставке, заслуженный работник культуры РФ (Москва. E-mail: valentinuglov@yandex.ru).

Аннотация. В статье на основе документов и архивных материалов, связанных с историей известного военно-учебного заведения, рассматривается развитие отечественной военно-ракетной школы с момента её основания до создания Ракетных войск стратегического назначения.

Ключевые слова: военно-ракетное образование; Газодинамическая лаборатория; Группа изучения реактивного движения; первый ракетный факультет; ракетные научно-педагогические школы.

Information about author. Valentin Uglov — Colonel (ret.), Honoured Worker of Culture of the Russian Federation (Moscow. E-mail: valentinuglov@yandex.ru).

Summary. On the basis of documents and archival materials relating to the history of the famous military institution the author examines the development of the Russian military missile school since its inception to the creation of the Strategic Missile Forces.

Keywords: military missile education; Gas Dynamic Laboratory; Group for the Study of Reactive Motion; first missile department; missile scientific-pedagogical schools.

ВТЕЧЕНИЕ длительного времени ракетное оружие было теснейшим образом связано с артиллерией. Это обусловило непосредственное участие в процессе его создания и боевого применения сотрудников и воспитанников Артиллерийского училища, основанного в 1820 году. Прославленное военно-учебное заведение (вуз) с тех пор именовалось по-разному: Михайловская артиллерийская академия, Военно-техническая академия имени тов. Дзержинского, Артиллерийская академия имени Ф.Э. Дзержинского, Военная академия имени Ф.Э. Дзержинского, Военная академия РВСН имени Петра Великого. Чтобы иметь хотя бы поверхностное представление о значимости вуза, достаточно назвать лишь несколько имён: А.Д. Засядко — создатель первых отечественных боевых ракет; В.И. Внуков и П.П. Ковалевский — первые командиры первых ракетных подразделений; К.И. Константинов — основоположник экспериментальной ракетодинамики; М.М. Поморцев — один из пионеров решения проблемы устойчивости полёта ракеты с помощью самых разнообразных по форме стабилизаторов и путём вращения реактивных снарядов в полёте; Н.В. Герасимов — впервые в истории ракетной техники предложивший проект ракеты, стабилизация которой в полёте осуществлялась с помощью гироскопа; И.П. Граве — изобретатель ракеты, в качестве ракетного топлива которой были шашки из бездымного пироксилинового пороха; Г.Э. Лангемак — конструктор реактивных

снарядов на бездымном длительном горящем порохе; Б.С. Петропавловский, создавший впервые в мире противотанковое реактивное ружьё и турбореактивный противотанковый снаряд, предложивший использовать реактивные снаряды для вооружения самолётов.

Первое отечественное артиллерийское учебное заведение на протяжении всей своей истории было ведущим в области средств поражения противника, а сегодня является общепризнанным учебно-методическим и научным центром во всех основных областях теории и практики ракетного дела, ракетно-ядерного оружия и ракетно-космической техники.

Начало специальному военно-ракетному образованию было положено в 50-х годах XIX века, когда К.И. Константиновым в рамках общего курса по артиллерии для слушателей академии был написан и впервые прочитан (1860 г.) курс «Боевые ракеты. Их устройство и употребление»¹. Он состоял из следующих разделов (в современной нам терминологии): общие основы устройства и действия ракет и их классификация; конструкции ракет; ракетное топливо, его состав, производство и снаряжение; внутренняя и внешняя баллистика ракет; методы и средства их стабилизации в полёте; боевые части (снаряды); пусковые установки; производство и сборка².

Первый отечественный выпуск инженеров-ракетчиков.

Слева направо сидят: А.Д. Левин, А.И. Иванов, А.С. Нахамчик, начальник факультета РВ П.Н. Кулешов, начальник кафедры РВ Я.М. Шапиро, М.И. Копытов; стоят: А.М. Клычников, И.В. Семёнов, Ю.В. Корнеев, Д.А. Лебедев, Л.М. Куманцев, Н.М. Горев, Г.Е. Носовицкий (отсутствует В.Д. Русанов)

1946 г.

А.В. ЛОСИК,
С.В. ФЕДУЛОВ

A.V. LOSIK,
S.V. FEDULOV

«ГОСУДАРЕВО ОКО» И КАЧЕСТВО ПРОДУКЦИИ ВОЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Деятельность государственных контролирующих органов на ленинградских оборонных предприятиях и в научных учреждениях (1930-е годы)

«STATE EYE» AND MILITARY PRODUCTS' QUALITY

The activities of state control agencies inside Leningrad defence enterprises and scientific institutions (1930-s)

Сведения об авторах. Лосик Александр Витальевич — заместитель главного редактора журнала для учёных «КЛИО», доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург. Тел.: 8-812-534-28-28); Федулов Сергей Валентинович — доцент Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург. Тел.: 8-981-170-19-90).

Аннотация. В статье освещается роль органов военной приёмки в качественном выполнении оборонными предприятиями г. Ленинграда в 1930-е годы государственных заказов.

Ключевые слова: контрольно-приёмный аппарат; военная продукция; оборонные предприятия и учреждения.

Information about authors. Aleksandr Losik — Deputy Editor-in-Chief of scientific magazine "Clio", D. Sc. (Hist.), Professor (Saint Petersburg. Tel.: 8-812-534-28-28);

Sergey Fedulov — Associate Professor of the Military Space Academy named after A.F. Mozhaysky, Cand. Sc. (Hist.) (Saint Petersburg. Tel.: 8-981-170-19-90).

Summary. The article highlights the role of the military acceptance structures in qualitative performance of state orders by defence enterprises of Leningrad in the 1930s.

Keywords: control-receiving unit; military products; defence companies and institutions.

В 1930-е годы военные представители (военпреды) Контрольно-приёмного аппарата (КПА) Народного комиссариата по военным и морским делам (НКВМ) СССР приобрели высокий государственный статус, схожий по значимости с полномочиями их предшественников эпохи Петра Великого. Ведь они надзирали за качеством военной продукции не только на отечественных предприятиях, но и на зарубежных заводах (в Италии, Германии и других странах), выполнявших соответствующие заказы Советского Союза.

Вместе с тем руководство страны строго следило за добросовестностью работы КПА. Так, в сентябре 1933 года глава Народного комиссариата тяжёлой промышленности (НКТП) Г.К. Орджоникидзе в специальном приказе подверг суровой критике руководителей некоторых заводов, выдававших военпредам денежные суммы в форме премий и различных пособий, путёвки на курорты и т.п. с целью добиться снисходительного отношения с их стороны к качеству сдававшейся продукции. Действия таких директоров, которые путём

«задабривания» «приёмщиков» выпускали бракованные изделия, нарком оценивал как вредительство, ослаблявшее мощь армии и флота¹. Он потребовал «прекратить выплату каких бы то ни было сумм под каким бы то ни было предлогом приёмщикам НКВМ (военпредам) или работникам их аппарата», а обеспечение их питанием «производить на общих основаниях с инженерно-техническими работниками». Тут же определялась и мера наказания: «Директоров заводов, допустивших нарушение данного приказа, снимать с работы и отдавать под суд»².

Вольно или невольно содержание упомянутого приказа (№ 143, 1 сентября 1933 г.) перекликалось по своей оправданной суровости с указом Петра I от 22 января 1723 года. В нём примечательны такие строки: «Новому хозяину ружейной фабрики Демидову повелеваю построить дьякам и подьячим [чиновники переехавшей в Тулу Петербургской оружейной канцелярии, тогдашние военпреды] избы, дабы не хуже хозяйской были, буде хуже, пусть Демидов не обижается, повелеваю живота лишить»³. В военные представительства того времени

на Тульском оружейном заводе (речь идёт именно об этом предприятии) входили как офицеры (осуществляли организационные мероприятия и контроль за окончательной сборкой), так и гражданские инженеры (выполняли всю текущую работу). Естественно, они не могли проверить каждую заготовку или изделие — их были тысячи. Для этого на оборонных заводах была своя служба контроля качества, действовавшая по согласованной

Строительство линкора «Советский Союз»

Е.И. ПОДРЕПНЫЙ

Ye.I. PODREPNY

«ЛЕТАЮЩИЕ ПАРТЫ» ДЛЯ «СТАЛИНСКИХ СОКОЛОВ»

Оснащение советских ВВС современными
учебно-тренировочными самолётами в 1945–1950 гг.

«FLYING DESKS» FOR «STALIN'S FALCONS»

Equipment of the Soviet Air Force with modern teaching- and-training aircraft in 1945–1950-s

Сведения об авторе. Подрепный Евгений Ильич — доцент кафедры современной отечественной истории Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, кандидат исторических наук (г. Нижний Новгород. E-mail: podrepnyu@yandex.ru).

Аннотация. В статье раскрывается процесс переоснащения советских ВВС во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов учебно-тренировочными самолётами различного назначения.

Ключевые слова: СССР; авиапромышленность; учебно-тренировочный самолёт; тренировка лётного состава.

Information about author. Yevgeny Podrepny — Associate Professor of modern russian history of the Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Cand. Sc. (Hist.) (Nizhny Novgorod. E-mail: podrepnyu@yandex.ru).

Summary. The article explains the process of the Soviet Air Force's re-equipping with training aircraft for various purposes during the second half of the 1940s — early 1950s.

Keywords: USSR; aviation industry; trainer aircraft; training of flight crews.

После окончания Второй мировой войны произошёл качественный скачок в развитии военной авиации: существенно возросли её возможности по завоеванию господства в воздухе, нанесению бомбовых ударов, отражению воздушного противника, она оставалась единственным средством доставки ядерного оружия. Появление реактивной техники настоятельно требовало от руководства СССР создания соответствующей машины для переучивания лётчиков, совершенствования и проверки их техники пилотирования. Однако выпуск тренировочных самолётов для растущих советских ВВС был явно недостаточным.

РЕШЕНИЕМ ЦК ВКП(б) в конце 1945 года была создана комиссия для всесторонней проверки работы Наркомата авиационной промышленности и определения перспектив дальнейшего развития авиации. Предложения комиссии в феврале 1946 года были одобрены Политбюро ЦК ВКП(б) и утверждены Советом министров Союза ССР 26 февраля 1946 года.

Главное внимание уделялось развитию реактивной техники¹.

Переход на новые образцы авиатехники потребовал повышения уровня боевой подготовки лётного состава ВВС², что невозможно было сделать без создания современной учебно-материальной базы, и прежде всего без самолётов первоначального обучения. Между тем основной учебно-тренировочный самолёт УТ-2 после войны заметно отстал от своих боевых собратьев. На тех, как правило, имелись посадочные щитки, убирающиеся шасси, тормозные колёса, закрытые кабины, радиостанции и целый ряд дополнительного оборудования. На УТ-2 ничего этого не было. Испытанный учитель явно состарился.

Кроме того, не имелось и переходных промежуточных самолётов. Курсантов в школах приходилось с учебной машины пересаживать сразу на двухместную учебно-тренировочную. Это противоречило методике обучения, подчёркивал известный лётчик-испытатель Пётр Михайлович Стефановский³.

Выпуск тренировочных самолётов был недостаточным для растущих ВВС. Так, по данным Госплана СССР, в 1944 году были произведены 5493 учебно-тренировочные машины, а план выпуска на 1951 год равнялся 1030 самолётам⁴.

В 1945 году ОКБ-115 А.С. Яковлева на основе истребителя Як-3 выпустило двухместный учебно-

тренировочный самолёт Як-УТИ с двигателем АШ-21, переходный от учебного к истребителю⁵. Большую роль в судьбе этой машины сыграл Научно-испытательный институт (НИИ) ВВС. Лётчик-испытатель П.М. Стефановский пишет: «Как всегда, самолёт прошёл на заводе очень короткие испытания, и его техническое лицо было ещё весьма расплывчато. Жизнь требовала спешить. Приходилось выполнять по несколько полётов в день...

Интересна такая подробность. Конструктор, сделав довольно вместительные бензобаки, снял лётные характеристики только с половинным горючим, хотел, видимо, показать лучшие результаты. Институт не мог согласиться с этим и проверял сообщённые заводом данные с полным запасом горючего. Вопреки ожиданиям мы выявили дополнительную возможность этого отличного самолёта. Так, вместо заявленного конструктором потолка 7 тысяч метров я, с полным запасом горючего, достиг 8 тысяч метров».

Несколько раньше, чем Як-УТИ, в НИИ ВВС поступил на испытания самолёт первоначального обучения Як-18 с мотором М-11. Он оказался несравненно лучше имевшегося в школах УТ-2. На нём были установлены посадочные закрылки, убирающиеся шасси, приёмо-передающая радиостанция, закрывающаяся в полёте кабина с прекрасным обзором. Мотор запускался

Х.М. АБДУЛЛИН,
Г.М. МУСТАФИНАH.M. ABDULLIN,
G.M. MUSTAFINA

КАЗАНСКОЕ ПЕХОТНОЕ ЮНКЕРСКОЕ УЧИЛИЩЕ (1866—1909)

Страницы истории и известные выпускники

KAZAN INFANTRY CADET SCHOOL (1866—1909)

Pages of history and famous alumni

Сведения об авторах. Абдуллин Халим Миннуллович — старший научный сотрудник Института истории имени Ш. Марджани АН РТ, кандидат исторических наук (г. Казань. E-mail: Xalimabd@mail.ru);
Мустафина Гульшат Мударисовна — доцент кафедры истории России и стран ближнего зарубежья Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат исторических наук (г. Казань. E-mail: tggpu_history_russia@mail.ru).

Аннотация. В статье рассказывается о создании Казанского пехотного юнкерского училища, его работе с 1866 по 1909 год, организации учебного процесса и выпускных экзаменах. Приводятся фамилии ряда начальников училища и данные о его наиболее известных выпускниках.

Ключевые слова: Казань; юнкера; военные училища.

Information about authors. Halim Abdullin — Senior Researcher of the Institute of History named after Sh. Mardzhani of the AS of the RT, Cand. Sc. (Hist.) (the city of Kazan, E-mail: Xalimabd@mail.ru);
Gulshat Mustafina — Associate Professor of History of Russia and CIS countries of the Kazan (Volga Region) Federal University, Cand. Sc. (Hist.) (city of Kazan. E-mail: tggpu_history_russia@mail.ru).

Summary. The article describes the creation of the Kazan infantry cadet school, its work from 1866 to 1909, educational process and passing-out examinations. The names of a number of Chiefs of the school and data about its most famous alumni are given.

Keywords: Kazan; cadets; military schools.

Возникновение института пехотных юнкерских училищ в Российской империи в середине XIX века было связано с общим курсом военных реформ в стране: 16 юнкерских училищ с трёхлетним сроком обучения должны были обеспечить профессиональную подготовку основного офицерского состава для сухопутных сил. В целом создание юнкерских училищ себя оправдало. С 1865 по 1900 год они выпустили 43 304 офицера, что на тот период удовлетворяло потребность армии в офицерских кадрах в мирное время.

Вид Казанского пехотного юнкерского училища
1902 г.

КАЗАНСКОЕ пехотное юнкерское училище было основано 1 сентября 1866 года по типу аналогичных военно-учебных заведений, создававшихся на основании приказа по военному ведомству № 285 от 20 сентября 1864 года¹, и предназначалось для комплектования офицерами в основном двух дивизий, дислоцировавшихся в Казанском военном округе. В училище также принимались военнослужащие из войск Московского военного

округа, которым «за отсутствием вакансий» не удалось поступить в Московское юнкерское училище. Военно-учебное заведение разместилось в Казанском кремле, в зданиях, принадлежавших ранее военным кантонистам. По мере необходимости для нужд училища приспособлялись или строились новые здания. Так, решением Казанского губернского правления от 12 мая 1872 года для училища были выстроены каменные «холодные службы» общей стоимостью в 2586 рублей².

Учебный процесс и организация всей работы училища строились на общих основаниях. В Казанское пехотное юнкерское училище могли поступать юноши, окончившие военные прогимназии или соответствовавшие им гражданские учебные заведения, вольноопределяющиеся, а с 1869 года и унтер-офицеры, призванные по набору. Правда, к последним предъявлялись определённые требования: следовало прослужить в унтер-офицерском звании не менее трёх месяцев, получить одобрение сво-

С.П. КИМ

S.P. KIM

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В 1945—1950 гг.

FOOD PROVISIONING FOR JAPANESE PRISONERS OF WAR IN SOVIET LABOUR CAMPS IN 1945—1950

Сведения об авторе. Ким Сергей Петрович — аспирант Института российской истории Российской академии наук (Москва. E-mail: orcwarboss@gmail.com).

Аннотация. Статья освещает организацию продовольственного обеспечения японских военнопленных в лагерях НКВД, МВД СССР в 1945—1950 гг.

Ключевые слова: СССР; японские военнопленные; лагеря НКВД, МВД; продовольственное обеспечение.

Information about author. Sergey Kim — PhD Student of the Institute of Russian History Russian Academy of Sciences (Moscow. E-mail: orcwarboss@gmail.com).

Summary. The article deals with the organisation of food supply of Japanese POWs in camps of the NKVD, Ministry of Internal Affairs of the USSR in 1945—1950.

Keywords: USSR; Japanese prisoners of war; camps of the NKVD; Ministry of Internal Affairs; food supply.

23 августа 1945 года Государственный комитет обороны принял постановление № 9898сс «О приёме, размещении, трудовом использовании военнопленных японской армии»¹, предписавшее отобрать «до пятисот тысяч бывших японских военнослужащих» и направить в лагеря НКВД для работы в народном хозяйстве»².

В научной среде нет единого мнения о международно-правовом статусе японских военнослужащих, пленённых Красной армией в 1945 году. Отечественные исследователи придерживаются разных точек зрения. Большинство японских историков считают, что интернирование японских солдат на территорию СССР противоречит девятому пункту Потсдамской декларации глав правительств Китая, США и Великобритании от 26 июля 1945 года, к которой СССР присоединился 8 августа 1945 года, гласившему, что японским военнослужащим после их разоружения будет разрешено вернуться к мирной жизни.

НО ЯПОНИЯ отвергла требование Потсдамской декларации окончить войну капитуляцией, поставив СССР перед необходимостью выполнить свои союзнические обязательства, и тем самым обрекла своих солдат на плен. Советский Союз находился в состоянии войны с Японией. А воюющему государству принадлежит право пленения и содержания в плену военнослужащих противника. Статья 75 Женевской конвенции о содержании военнопленных от 27 июля 1929 года (к слову, не подписанная ни СССР, ни Японией) указывает, что воюющие стороны соглашут условия репатриации военнопленных, когда «заключат примирение», а сама репатриация проводится после заключения мира. Как справедливо заметил

военный историк и юрист В.П. Галицкий, СССР и Япония только 19 октября 1956 года заключили соглашение о прекращении состояния войны между собой, а мирный договор между ними ещё не заключён, поэтому, если строго следовать международной юрисдикции, Советское государство было вправе задержать репатриацию японских военнопленных до 1956 года³.

Кроме того, советскому руководству был известен разработанный весной 1945 года по инициативе У. Черчилля план операции «Немыслимое» — войны против СССР. Для его реализации вопреки решениям Потсдамской конференции и Декларации о поражении Германии англичане в своей зоне оккупации держали наготове немецко-фашистские войска.

Отправка более чем полумиллионной группировки японских войск на территорию, оккупированную США, которые могли сохранить их так же, как войска вермахта, и использовать против СССР и дружественных ей стран, обострила бы угрозу новой войны. Американские атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки показали, какой она могла стать.

Как сообщали сотрудники советского представительства в Союзном совете для Японии⁴, американские оккупационные власти развернули в Японии деятельность, враждебную нашей стране, вели активную работу с населением, агитировали его против СССР, используя для этой цели реваншистские настроения японцев, особенно бывших военных⁵. Было очевидно, что американцы превращают Японию в свой «непотопляемый авианосец», нацеленный против Советского Союза и дружественных ему стран.

На то, что репатриацию японских военнопленных сдерживала возможность их использования против СССР, указывает докладная записка министра внутренних дел СССР генерал-полковника С.Н. Круглова первому заместителю председателя Совета министров СССР В.М. Молотову. Этот довод он привёл, возражая против предложения репатриировать 78 из 169 японских генералов⁶, содержавшихся в лагерях МВД⁷. Он предложил отправить только больных и престарелых генералов, не способных продолжить

В.Д. ГЛАЗКОВ

V.D. GLAZKOV

В НЕБЕСАХ МЫ ЛЕТАЛИ ОДНИХ

WE FLEW IN THE SAME SKY

Сведения об авторах. Глазков Виктор Дмитриевич — участник Великой Отечественной войны, радист воздушной трассы Аляска-Сибирь в 1942—1945 гг.;

Негенбля Иван Ефимович — кандидат исторических наук (г. Якутск. E-mail: nie1938@yandex.ru);

Долицкий Александр Борисович — директор Исследовательского центра «Аляска — Сибирь», магистр исторических наук (г. Джуно, Аляска, США. E-mail: adolitsky@gci.net).

Аннотация. Статья представляет собой воспоминания участника Великой Отечественной войны В.Д. Глазкова о работе по перегону самолётов из США в СССР по трассе Аляска — Сибирь, о выполнении особых заданий в аэропортах Аляски и Восточной Сибири, о встречах с А.А. Громыко и А.Ф. Керенским.

Ключевые слова: ленд-лиз; воздушная трасса Аляска — Сибирь; Красноярская воздушная трасса; создание ООН.

Information about authors. Viktor Glazkov — Participant of the Great Patriotic War, and a radio-operator on the Alaska-Siberia Airway from 1942 to 1945;

Ivan E. Negenblya — Ph. D in History (Yakutsk. E-mail: nie1938@yandex.ru);

Alexander B. Dolitsky — Director of the Alaska-Siberia Research Center. MA in History, MA in Anthropology (Juneau, Alaska, USA. E-mail: adolitsky@gci.net).

Summary. V.D. Glazkov was a participant in the Great Patriotic War. His memoirs are about the transfer of lend-lease warplanes from the United States to the Soviet Union via the Alaska-Siberia Route; execution of the specific tasks at the airbases in Alaska, Russian Far East and Eastern Siberia; and about his recollections in meeting A.A. Gromyko and A.F. Kerensky.

Keywords: Lend-Lease; Alaska-Siberia Airway; Krasnoyarsk Airway; Creation of the United Nations.

Воздушная трасса работает

П ОСЛЕ встречи нового, 1943-го, года мы, экипаж П.Ф. Журавлёва, вылетели в Фэрбенкс, где предстояло получить транспортный американский самолёт С-47. В то время это была первоклассная машина с двумя надёжными двигателями «Пратт-Уитни» с ресурсом 650 часов, эффективной антиобледенительной системой, современным радионавигационным и связным оборудованием и калориферным обогревом пилотской кабины.

Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2015. № 1.

Пурга в Уэлькале задержала наш полёт в Фэрбенкс на две недели. За это время здания и служебные постройки занесло по самую крышу. Самолёты на стоянке полностью скрылись под снежным покровом. Начались авральные работы. Снег был настолько плотным, что его резали пилой. Из общезнания в служебные здания, столовую и туалет пришлось пробивать тоннели.

Сразу по прибытии в Фэрбенкс приступили к изучению С-47 и учебно-тренировочным полётам на нём под руководством уже известного нам пилота-инструктора Николая де Толли. Так как Ли-2, модель американского самолёта ДС-

3, лицензию на постройку которого СССР купил у США ещё в середине 1930-х годов, мало чем отличался по технике пилотирования от С-47, инструктор делал упор на изучение приборной доски и оборудования самолёта. Расположение приборов было аналогично самолёту Ли-2: главное — научиться быстро переводить в метрическую систему мер футы, дюймы, фунты и мили. После краткой теоретической подготовки и инструктажа пилот-инструктор запустил двигатели и предложил Журавлёву произвести взлёт. Затем три самостоятельных полёта сделали и мы. Николай де Толли остался доволен: «Экипаж

Ветераны авиации Якутии с руководителями Якутского управления гражданской авиации. Сидят: второй слева — В.Д. Глазков, второй справа — Г.С. Бенкунский

1985 г.

А.В. ПЕЧЕЙКИН

A.V. PECHEYKIN

«КАСКА... ЕСТЬ НАРЯД ВОЕННЫЙ ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКИЙ»

«HELMET... IS A MILITARY CHARACTERISTIC ATTIRE»

Сведения об авторе. Печейкин Александр Валерьевич — ведущий научный сотрудник Центрального пограничного музея ФСБ РФ, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: pe4av@mail.ru)

Аннотация. В статье рассказывается о формах и моделях касок, применявшихся в XVII—XVIII вв. в русской и европейских армиях как часть преимущественно парадной формы одежды.

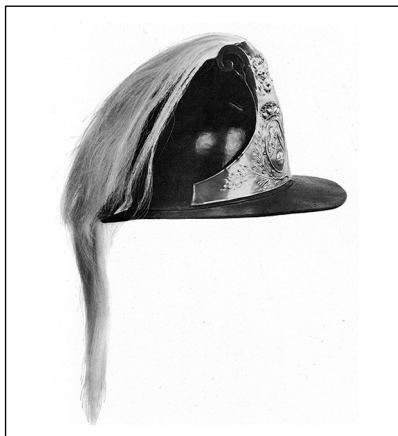
Ключевые слова: военное обмундирование; парадная форма одежды; шлем; шляпа; каска; плюмаж.

Information about author. Aleksandr Pecheykin — Leading Researcher of the Central Frontier Museum of the RF FSB, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: pe4av@mail.ru).

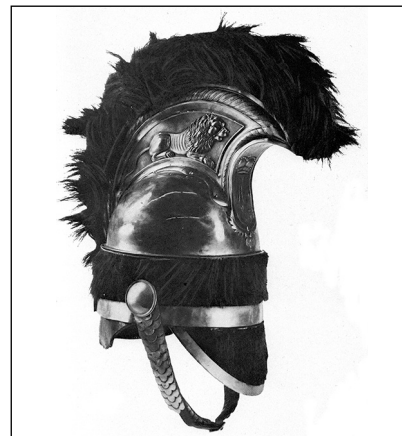
Summary. The article tells about the forms and models of helmets used in the XVII—XVIII centuries in the Russian and European armies as a part of predominantly full-dress uniforms.

Keywords: military uniforms; academic dress; hard hat; hat; helmet; plume.

Каской (от испанского *casco* — «череп») зачастую называют стальной или изготовленный из иных материалов шлем, предназначенный для защиты головы военнослужащего прежде всего от осколков и пуль. Однако между стальным шлемом и каской есть существенное различие. Шлем подобно бронежилету или кирасе являлся частью защитного снаряжения, а каска — деталь униформы, предмет парадной формы одежды и могла быть изготовлена как из металла, так и из лакированной кожи, фетра и даже картона, обтянутого сукном¹.

Каска Румфорда. Бавария,
1789—1790 гг.

Каска рядового полка
Телохранителей.
Саксен-Гота-Альтенбург,
1810—1826 гг.

МОЖНО говорить, что прародителями европейской каски стали древнегреческие и древнеримские защитные головные уборы. Однако не только они. Ещё одним предком каски, и, судя по всему, главным была фетровая шляпа гражданского фасона: ведь одни из первых касок зачастую представляли собой шляпы с почти полностью обрезанными полями.

Такой головной убор в середине XVII века впервые появился в европейских армиях у солдат различных лёгких частей. Их головные уборы представляли собой по сути дела шляпу со срезанными полями, вместо которых накручивался «тюрбан» из другой ткани или меха, а верх тульи усиливался гребнем со вставленным в него волосяным хвостом. Так, солдаты городской милиции Перпиньяна в 1758 году носили шапки, напоминавшие

шапочку современных жокеев, но только с поднятым вверх передним козырьком.

Подобный головной убор вскоре стали применять и англичане в Северной Америке. У шляпы солдата регулярной пехоты обрезали поля, превратив её таким образом в фетровую шапочку с передним козырьком. К 1771 году в ряде пехотных полков британской армии были сформированы отдельные лёгкие роты, солдаты которых носили специальное обмундирование, в том числе и каски, изготовленные из кожи, усиленные металлическими накладками и украшенные перьевыми или волосяными султанами и плюмажами. Британская кавалерия обзавелась подобными касками около середины XVII столетия². Эти головные уборы защищали голову в рукопашных схватках и при применении холодного оружия значительно лучше их фетровых

предшественников. Очень скоро каски стали приобретать черты античных головных уборов — их снабжали волосяными или перьевыми плюмажами или хвостами, козырьками, прикрывавшими глаза и шею, а также сюжетами из античных мифов, что проявлялось в отделке гребней и налобников. Это объяснялось тем, что в XVIII веке античность в Европе была в большой моде, которая продержалась едва ли не до конца следующего столетия.

Во Франции каска античного стиля появилась в регулярной армии в конце 1762 года с введением в драгунских полках головного убора «а ля Шомберг». Эта модель, имевшая многочисленные вариации, пользовалась огромным успехом, послужив основой для создания знаменитой французской каски тяжёлой кавалерии, дальним «потомком» которой является сегодня